

ЧЕРНАЯ ДРОФА

Как-то я лег — устал, загрязил и вижу... Дрофа из нефтяного залива выкарабкалась. Измазанная, несчастная, а перед ней — Буш, в белой рубашке и голубом галстуке. Дрофа откинула клюв, как даст ему в лоб — у Буша пятно замаслилось. Отряхнулась дрофа, а перед ней — Миттеран — в пижаме, француз. Дрофа откинула клюв, как даст ему в лоб — у Миттерана пятно замаслилось. Дрофа отряхнулась, а перед ней — Горбачев альтернативно стоит. Дрофа откинула клюв и... “А кто тебя, какая дрофа уже?.. Все одинаковые!” Дрофа отряхивается.

Но вот дрофа ухватила за ухо маленького юркого Шамира: “А, попался?” А Шамир: “Я не Шамир, я Володя Познер, с останкинского телевидения”. Дрофа бросила Познера, ухватила за ухо следующего: “Попался? — Поприсмотрелась: — Ты Зорин или Примаков? Или ты Анатолий Алексин, детский писатель?” А тот отвечает: “Не угадала, я и есть Шамир, премьер Израиля!..” Дрофа обиделась, приказала им рассчитаться по порядку номеров: “Так вот, я тоже не дрофа. Я Тэтчер Маргарита!” Села в “мерседес” и укатила. Тут я проснулся. Включаю телевизор — фильм. На экране Хусейн и Гитлер — во френчике. И Хусейн — во френчике. Гитлер — без пятна. И Хусейн — без пятна. И сидят они — в засекреченном бункере, то ли — под Минском, то ли — под Москвою, но — величавые, поза полководцев, как у Буша, а пятен нет. С чистой совестью живут... Правда, Хусейн смахивает на Иосифа Виссарионовича Сталина, а Гитлер — на знакомого русского композитора из Суздаля, Давида Ашкиназе, сидят в бункере, но как бы — у Персидского залива. А караулит их кувейтский правитель Ассабах в чалме, суровый, настоящий Собчак с револьвером. Жаль, дрофа в “мерседесе” уехала — вот кого метить, и метить, и метить бы!.. Но экран взбудрил кто-то аллапугачевским языком:

Эй, вы, на восьмом ряду,
Я в бреду,
Я иду, Мать вас
В Тиберду!

Буш дергается — вспоминает великодержавную речь Рузвельта в 1941 году. Стратег. Восемьдесят процентов американцев его поддержат в битвах около Персидского залива. Буш — цэрэушник и актер — за чужой счет. Платит не своей, а чужими жизнями. Вперся с полумиллионной армией, да еще на пару с союзниками. Вперся — курдов ошетилил, на беженство обрек.

Залили огнем Багдад. Залили огнем Кувейт. Залили нефтью море. Саддам залил? А войска европейцев — не курят, не сорят, не уютят танками нежную слабую зелень пустыни, не переворачивают барханы, не брызжут мазутом в пески? Я бывал в тех краях — жаль верблюдов, жаль жемчужные колодцы, жаль солнце и небо. Саддам Хусейн и Буш неприятны. Да и правитель Ассабах разбогател, растолстел — выронил государство...

Израиль дежурит, не спит. Дети в противогазах. Старики — в противогазах. Армия — по

тревоге поднята. Неужели Бушу, Горбачеву, Тэтчер, Миттерану и еще кое-кому из “величайших” земли не совестно за все это? Это — махровый антисемитизм! Встряивать мир, народы мира войной там, где бежит в недрах топливо, сугрев человечества? Тэтчер — умыкнулась: догадалась — не обагрилась кровью. А другие ничего не уяснили, ничему не удивились.

Иракцы — по тревоге. Палестинцы — по тревоге. Израильтяне — по тревоге. Ближний Восток закипел, запылал, а у нас — жарко, у нас — муторно... Зима в Москве, морозы сорокаградусные, а жарко и муторно. Да и Буш, разгоряченный победами над бедуинами, швыряя в иракцев ракеты и бомбовозы, наблюдает, как Чингисхан из красного шатра, из Белого дома за патрулями в Прибалтике. Не нравятся ему патрули — милиция, солдаты, не нравятся. Буш — святой, как наши “демократы и прорабы” перестройки.

Буш грустит о весенней тишине, о соседском согласии, он — миротворец, как и Александр Николаевич Яковлев. Может быть, после разгрома Ирака милосердием займется и неумного Саддама Хусейна к христианству приобщит? Маски. Нет людей. Маски. А пока Саддам Хусейн готов забодать любого еврея. Бык...

Любой журналист, любой писатель, любой политический деятель не очень расстроится, если вдруг кому-то вздумается обвинить его в антирусском настроении, — так мне кажется. Ну, может, удивится. Может, пожмет плечами. Может, обидится. Но жаловаться не станет. Опровергать вряд ли примется. Почему?

А потому, что такое обвинение ни для кого не опасно: подумаешь — антирусское настроение? То же самое — обвинение в антитатарском, антиякутском, антимордовском настроении: нет опасности. Но обвините грамотного человека, да еще представителя искусства, в антиеврейском настроении — убьете несчастного! И себя лишите покоя: обвиняемый вас задерживает отрицаниями, опровержениями, негодованиями.

Антиеврейство — антисемитизм. А у нас антисемит — пропащий человек: бездарь, неудачник, параноик, хам, вор, преступник, антисоветчик!..

Но и эти лжеэпитеты — не главное. Главное — перекрытие дыхания, как любят разъяснять сионисты: сдавливание горла. Ты, вставленный в список антисемитов, нигде не найдешь поддержки, нигде не получишь покровительства, кругом — страх. Страх — захлопнут перед тобой двери газет, журналов, радио и телестудий. Страх — осрамят тебя со всех шелестящих страниц. Страх — дома и за рубежом ты и твое имя очерняются, охочмятся, превратятся в тень, в глупый анекдот, в позорный предмет.

Но и того мало. Тебя начнут подстерегать, травить, угрожать и, при необходимости, уберут. Сионистская мафия в СССР владеет несметными запасами денег, протекций, сокровищ, таясь, а легальное их сокровище — слово: оно взято крепко.

Словом советские сионисты возвеличивают жалких, словом советские сионисты убивают гордых. Слово, подчиненное сионистам, действенней закона, упрямее указа, неодолимее приговора. Тут кроется причина перепуга прослыть антиевреем, антисемитом, тут, а уж после — человеческое “некультурно”, “нельзя” и прочее. Даже Сталин, по утверждению сионистов, — кровавый антисемит, дрожал перед мафией Сиона, не отпуская от себя далеко Мехлиса, Кагановича, Эренбурга, Симонова. Дрожал. И, сражаясь с еврейским засилием в учреждениях и державных организациях, дрожал.

Хрущев — пленник сионистской мафии, породнен с евреями. А Брежнев — милое дитя Сиона, требующее каждодневных услаждений, почестей и орденов. Андропов попытался над мафией высунуться — кончилось плохо. Черненко — у Гришина. А

Гришин, Промыслов — коготки Сиона. Шеварднадзе и Яковлев — там, оба они — при исполнении заповедей...

Лукьянов не упускает случая широко огласить привязанность к Пастернаку, Евтушенко, Шаталину, Вознесенскому, а значит — его привязанность к милому Сиону, к шатии? Зимянин, Демичев, Стукалин, Пастухов, Разумовский, Медведев, Зайков, Романов, Шауро, идеологи, опенсионеренные уже, публично признавались евреям в любви и преданности. Нил Демичев, чуть не рыдая, а Зимянин, набирая в “Правду” очередных сотрудников еврейской национальности. Ему подражали сошки — Михалков, Карпов. Да мало ли их?

Причина — панический страх. Животный страх приспособленцев, а ведь это — подлее, нежели достойно соблюдать меру поведения со своим и с другими народами. Даже политика нашей партии, нашего ЦК КПСС, Политбюро, дипломатии, науки, литературы — политика проеврейская, просионистская. Какова польза и каков ущерб от подобной политики?..

В народе — понимают ее правильно: распространяют побасенки, копят нездоровое чувство. В интеллигенции — понимают правильно: на собраниях голосуют “за”, а в застольях проклинают. Перекосы кадровые, ущемление национальных чаяний, породившие противоречие между народами в СССР, перешедшие в конфликты и пока небольшие войны — результат “верхней” политики, результат страха перед сионистским словом, перед мафией Сиона.

Московская писательская организация, добрая ее половина — евреи. По России есть уникальные уголки, места, черноземно-серединные или урало-волжские, где костяк литераторов, актеров, композиторов — одни евреи. А копнуть издательства, копнуть редакции — оторопеешь:

Журнал “Знамя” — Бакланов?

Журнал “Октябрь” — Ананьев?

Журнал “Огонек” — Коротич?

Журнал “Юность” — Дементьев?

Журнал “Столица” — Мальгин?

Журнал “Гласность” — Изюмов?

Газета “Московские новости” — Яковлев?

Газета “Коммерсант” — Яковлев?

Газета “Неделя” — Сырокомский?

“Литературная газета” — Бурлацкий?

Газета “Поиск” — Арбатов? А газета “Куранты”?

А газета “Господин народ”?

А газета “Московский комсомолец”?

А “Независимая газета”? и т. д. и т. д.

Но беру — лишь каплю. А капля — море. Капля — океан. А — в Ленинграде? А — в Новосибирске? А — в Свердловске? А — в Саратове? А — в Челябинске? А — во Владивостоке?

Правительство не догадывается, да? Наивное, да? Занятое планами и прогрессом, да? Но кто толкает решения правительства, кто “направляет” внимание к “прогрессу”, а? И как “направляет”? И куда “направляет”?

Целина — провал. Центральная зона — провал. БАМ — провал. Химизация — провал. Техреволюция — провал. Агропром — провал. Ускорение — провал. Интернационализм

— провал.

* * *

Но кто воспевал, кто названивал, кто писал романы, поэмы, пьесы о целине, о кукурузе, о перестройке, кто? Чужие люди. Чужие, чьи родственники уехали, уезжают или уедут из СССР, а изводящие чернила на оды начальству не сбегут — служат здесь, сбегут — служат на “забугорных” радио- и телецентрах. Рвение прежнее — всегда циничное, лживое, напористое. Как дома — у нас...

Революцию — хвалили. Гражданскую войну — хвалили. Врагов народа — клеймили. А их, самих, взяли за “больное” — засуматошились: помогите! Пресса в государстве должна выражать объективную букву народа, а не “нажим” верхушки, букву народа, а не тех, кто издевается, изголяется над ним, имея в распоряжении, неограниченном, мотор оповещения, вырванный у народа.

Страшно, когда поднимается против мафии смельчак. Его оплевывают. Его топчут. Его сметают. Иногда — предупреждая. Где автор книги “Осторожно: сионизм” — Юрий Иванов? В могиле. Где автор книги “Ползучая контрреволюция” и других книг о сионизме в СССР — В. Бегун? В могиле.

Где автор книги “Диссимиляция” — Юрий Емельянов? В “могиле” судов... Где автор не вышедшей в свет “Истории сионизма в России” Е. Евсеев? В могиле.

Год назад, в ресторане “Прага”, на приеме у палестинцев, Евгений Евсеев рассказывал мне и моей жене: “Днем звонят. Ночью звонят. Угрожают. Кляузничают. Доносят. Стряпают провокационные телеграммы. И “забугорные” радиостанции, как рехнулись, обзывают, слюнявят, компроматничают — тяжело. Успею ли сдать в набор двухтомник?” И протянул мне документ. Последний документ по вопросам сионизма, разосланный Евгением Евсеевым в инстанции: советы, ЦК, общества, в городах и районах. Предлагаю документ, не изменив ни запятой. Евсеева нашли на окружной дороге — дважды измятый колесами, лежал он...

СИОНИЗМ - ФОРМА РАСИЗМА И РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3379

от 10 ноября 1975 г.

Комитет Советской общественности

“против установления дипломатических отношений с Израилем”

Москва

Основан в 1988 году

ПАМЯТКА

для официальных бесед членов Комитета и его уполномоченных с представителями государственных, общественных и других организаций, а также частными лицами.

Позиция комитета состоит в следующем:

1. Из “Обращения” Комитета к Гражданам Союза ССР с призывом собирать подписи

против установления дипломатических отношений с Израилем и требованием проведения всенародного референдума по этому вопросу (направлено в различные города и районы СССР, а также передано на XIX Всесоюзную партийную конференцию 28 июня 1988 г., в общественные и государственные организации СССР, средствами массовой информации):

“Что будет означать сегодня установление дипломатических отношений с Израилем?

- 1) Это означает официальное признание сионского, расистского государства как политического партнера СССР.
- 2) Это означает, что Израиль, являющийся опорой международных сионистских организаций, будет оказывать давление не только на политику США, но и СССР.
- 3) Это означает легализацию сионистских связей с “друзьями Израиля” и “солдатами Сиона” в СССР.
- 4) Это означает усиление попыток воссоздания внутри КПСС легальной оппозиции бундовско-троцкистского толка. Это означает резкое ослабление любых выступлений, разоблачающих расизм и фашизм идеологии и политики сионизма, так как любая критика сионизма может быть подведена под обвинение в стремлении нанести ущерб внешней политике СССР и “нормальным отношениям” с Израилем.
- 5) Это означает резкое ослабление любых выступлений, разоблачающих расизм и фашизм идеологии и политики сионизма, так как любая критика сионизма может быть подведена под обвинение в стремлении нанести ущерб внешней политике СССР и «нормальным отношениям» с Израилем и другими странами.
- 6) Это означает непредсказуемые последствия для ближневосточной политики Советского Союза, резкое обострение советско-арабских отношений, отношений со всем мусульманским миром”.

2. Из письма Председателя Комитета Е. С. Евсеева Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву (передано в Приемную ЦК КПСС 12 августа 1988 г.):

“...Восстановление дипломатических отношений с Тель-Авивом будет иметь опасные последствия, размеры которых невозможно сейчас даже предусмотреть. Ясно только одно — будет нанесен колоссальный ущерб советско-арабским отношениям, будут осложнены дипломатические, экономические и культурные связи со всем арабским миром, а это — помимо Египта — еще 24 государства. Это — 160 миллионов арабов, это — перспективный рынок для нашей промышленности. Это — мусульманские государства, входящие в обширный “мусульманский мир”, где живет не менее миллиарда человек. Это — практически весь развивающийся мир стран Азии, Африки и Латинской Америки. Советской дипломатии придется объяснять десяткам стран, чьи народы ведут антиимпериалистическую борьбу, почему СССР, даже не помышляя об отношениях с ЮАР или Чили, в лице некоторых своих представителей сообщает, что “против Израиля Москва ничего не имеет”.

3. Из “Открытого письма руководителям средств массовой информации”:

“Во-первых, в условиях нарастания открытости советского общества наличие в Москве любого официального учреждения Израиля (Посольство, Консульство) отрицательно сказывается на морально-политическом климате в столице Союза ССР. Как показывает исторический опыт, функционирование израильского посольства будет способствовать всемирному раздуванию произраильских, эмиграционных и антисоветских настроений, русофобии не только среди евреев, числом более четверти миллиона (по официальным данным. — Ред.) проживающих в Москве, но и среди евреев всего советского

государства. (Этому способствуют и создаваемые в СССР так называемые еврейские “культурные” центры. — Ред.). Жители Москвы старшего поколения не забыли триумфальной встречи первого посла Израиля в СССР Голды Меир (Меерсон) и помнят деятельность сионистских провокаторов под прикрытием дипломатических паспортов, прекращенную только чрезвычайными мерами: после ликвидации посольства Израиля в Москве в июне 1967 г. и разрыва дипломатических отношений с Тель-Авивом по единогласному решению Политбюро ЦК КПСС и Правительства СССР. (По данным компетентных органов, к моменту разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем на сионистское посольство только в Москве работали 12 тысяч тайных осведомителей и шпионов. Напомним, что количество выехавших из Советского Союза в Израиль и другие буржуазные страны на сегодняшний день превысило 300 тысяч человек. — Ред.).

Во-вторых. Комитет отмечает, что нет оснований содержать за счет советского народа Посольство СССР в стране, чьи правящие круги совершают тягчайшее преступление против человечности — геноцид арабского народа Палестины, дискриминацию арабов еще более вопиющую, чем в условиях ЮАР, где местное население испытывает на себе все “прелести” апартеида.

В-третьих. Комитет напоминает, что в Израиле не могут быть гарантированы жизнь и безопасность работников любых советских учреждений. Тель-Авив попирает все общепринятые нормы международного права, и советские дипломаты не могут быть обречены предусмотренной законом дипломатической неприкосновенностью (дипломатическим иммунитетом). В любой момент, когда что-либо во внутренней, внешней политике СССР или действиях КПСС придется не по вкусу сионистам, советские граждане превратятся в заложников или объект террористических акций сионистских спецслужб (под видом якобы “спонтанного”, “случайного” терроризма “отдельных” или “неустановленных” лиц).

Координационный совет Комитета располагает сведениями, что Всемирный еврейский конгресс (ВЕК) поставил задачу перед сионистскими организациями во всех странах мира обелить сионизм (еврейский нацизм) в глазах народов и сделать все для того, чтобы попытаться отменить Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 3379 от 10 ноября 1975 г., заклеймившей сионизм как “форму расизма и расовой дискриминации”. Поэтому маневры “друзей Израиля” в СССР, направленные на установление дипломатических отношений с Тель-Авивом, фактически совпадают с установками Всемирного европейского конгресса.

Однако никому не удастся обелить еврейский нацизм, являющийся государственной политикой Израиля, который приводит к самым чудовищным преступлениям против коренного арабского населения. На весь мир “прославились” сионистские головорезы, закапывающие бульдозерами арабских детей, сжигающие заживо палестинцев в их домах, проводящие “медицинские опыты” над палестинскими патриотами в израильских застенках и концлагерях, сбрасывающие подростков с вертолетов, вспарывающие животы у беременных палестинских женщин и прокалывающие младенцев штыками. Мы требуем прекратить тайные попытки установить дипломатические отношения с Тель-Авивом, а также осуждаем “культурные” вояжи на гастроли к оккупантам новоявленных “друзей Израиля” — Пугачевой, Кобзона, Окуджавы, Евтушенко, Ро-зенбаума и др. Советской стране, ведущей борьбу за мир и разоружение, не нужны никакие контакты с государством, провозгласившим своим внешнеполитическим курсом

аннексию чужих земель и захватнические войны, попирающим Устав ООН. Советские деятели культуры не ездят в ЮАР или Чили и не гастролируют там даже по приглашению “демократических организаций”. Не может быть в этом исключения и для расистско-фашистского Израиля.

Расизм и фашизм одинаково бесчеловечны под любым государственным флагом. Нет “хороших” и “плохих” фашистов, нет никаких “трезвомыслящих” нацистов, не существует и “реальномыслящих” расистов.

Мы не желаем, чтобы от имени советского народа и за его спиной вершилась осужденная В. И. Лениным “тайная дипломатия”. Гражданский и патриотический долг каждого советского человека — не быть сторонним наблюдателем и не допустить установления дипломатических отношений с расистами за спиной народа.

Мы требуем всенародного референдума!

ДОЛОЙ АЛЬЯНС С СИОНИСТАМИ!

НЕТ УСТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ФАШИСТАМИ И РАСИСТАМИ - ВРАГАМИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

* * *

Гришин — еврей. О Промысловле — нечего и рассуждать, настоящий еврей, русский человек. Выбирай: или ты — русский еврей, или ты — еврей русский, фанатичный интернационалист, а остальные — антисемиты и сионисты. Генрих Боровик — антисемит. Я — антисемит. А Исай Перельман — русский драматург...

Если с 1917 по 1947 год нами правили, можно сказать, одни евреи, то откуда же берется антисемитизм? Неужели русский народ и другие, малые и большие народы СССР, не довольны евреями? Евреи не могут быть плохими. Они — только хорошие. Как водка: хорошая или же очень хорошая, плохой не бывает!

А если и с 1947 года нами правят деятели, породненные с евреями, глубоко чтящие евреев, то, опять же, откуда берется антисемитизм? Думаешь, думаешь и приходишь к выводу: антисемитизм и сионизм — от любви. От родственных отношений к евреям со стороны наших “верхних” эшелонов управления: катят вместе в “чайках” и в спецвагонах — на зеленый свет и на красный свет, не успевают светофоры их встречать, вот и надоедают взаимно — дома, в гостях, за границей.

Как может Генрих Боровик надоесть Шамиру, а Шамир — Генриху Боровику? Генрих Боровик, русский, живет в Москве, а Шамир, еврей, живет в Тель-Авиве, как? А просто: выбегают у нас на экран оба, как такси ловить, и мешают нам и себе. Боровик теснит Шамира, Шамир теснит Боровика, а мы смотрим, интернационализируясь и энгельсясь, чтобы ленинцами стать, бронированными марксистами.

Пока Генрих и Шамир на экране — русский Ельцин не упадет с макушки российской пирамиды... Россия его не разлюбит, и его “русская” жена, Наина Иосифовна, будет помогать Борису Николаевичу, русскому богатырю. И русские поэты, евреи, будут в минуты восторга варьировать:

Хочу сказать: “О, Русь, о, Русь”,
А слышу я: “О, гусь, о, гусь!”...

А кого мы зазубриваем-то?

Матусовский — редкий русский песенник.

Рождественский — редкий русский песенник.

Пляцковский — редкий русский песенник.

Высоцкий — редкий русский песенник.

Окуджава — редкий русский песенник.

Галич — редкий русский песенник.

Танич — редкий русский песенник.

Евтушенко (Гангнус) — редкий русский песенник.

Ашинзон — редкий русский песенник.

Гаршинзон — редкий русский песенник.

Аринзон — редкий русский песенник.

Кикензон — редкий русский песенник.

Кобзон — редкий русский песенник. И т. д. и т. д.

Александр Прокофьев — никакой не русский песенник.

Борис Ручьев — никакой не русский песенник.

Василий Федоров — никакой не русский песенник.

Сергей Орлов — никакой не русский песенник.

Сергей Есенин — никакой не русский песенник.

Александр Блок — никакой не русский песенник.

Николай Некрасов — никакой не русский песенник.

Федор Тютчев — никакой не русский песенник.

Александр Пушкин — никакой не русский песенник. И т. д. и т. д.

Владимир Ульянов, Мариэтта Шагинян доказала, — дед еврей, Бланк.

Свердлов — краснотеррорный еврей.

Троцкий — краснотеррорный еврей.

Калинин, смирный, жена — еврейка.

Молотов, смирный, жена — еврейка.

Ворошилов, боевой, и жена — еврейка.

Сталин, лютый, и зять — еврей.

Маленков, смирный, но зять — еврей.

Буденный, боевой, и жена — еврейка.

Хрущев, волюнтаристский, и зять — еврей.

Брежнев, застойный, и жена — еврейка. И т. д. и т. д.

Антисемиты проклятые! Проклятые интернационалисты!..

А наши оголтелые “демократы и прорабы” перестройки меняют шкуру, “линяют”, приспособляясь к ситуации. Начали свое “триумфальное шествие” с дикого разгрома “сталинистов, антисемитов, консерваторов, бюрократов и аппаратчиков”, как призывал их один из “главных конструкторов” перестройки А. Н. Яковлев, — “беспощадно ломали механизм торможения”... А сам Яковлев даже привставал на цыпочки, зачитывая “копию секретного пакта” по Прибалтике, Риббентропа — Молотова, раздаривал с республиканских трибун “волю и свободу”, хороший такой, добрый такой, лысый такой и милосердный.

Потом наши “демократы и прорабы” вытерли искренние слезы над расстрелянными и замученными в ягодо-ежово-бериевских удушниках, через организованный “Мемориал” собрали средства на памятник жертвам насилия и беззакония. Потом наши “демократы и

прорабы” создали “Мозг” перестройки, а “Мозг” перестройки — это “Центр управления” страной, регионами. В “Мозговой центр” вошли известные лидеры эпохи: А. Н. Яковлев, Коротич, Адамович, Евтушенко, Шаталин, Станкевич, Заславский, Корякин, Ивановы (?), Наталья и Татьяна, Ришина, из “Литгазеты”, много их вошло, — и давай орудовать! А. Н. Яковлев, возясь и почесываясь на экране, “ломал беспощадно тормоз” и восклицал “если мы дрогнем!”, а Коротич бомбил “консерваторов” из “Огонька”, кружа по Европе и Америке, Адамович суды затевал над “негодьями”, кто “мешает” ему и “Мозгу” перестройки. Корякин требовал “унести Ленина из Мавзолея”, Евтушенко не без Станкевича на Красной площади “уличал” фашистскую “Память”, Шаталин, кокетничающий интеллигент, охмурял соотечественников “вескостью 500 дней”, не обещая передыху на пути к экономическому раю и приватизации-капитализации. Ивановы, обе сразу, наносили удары по русским писателям: прославились на заплевываниях благородных имен.

Дело у наших “демократов” пошло замечательно. Им рады западные “перестройщики”, вчерашние доморощенные диссиденты СССР, рады французские, английские, германские, итальянские, американские “болельщики” за нас, рады: мы — разваливаемся. Из великой державы, идя ко дну, превращаемся по “схеме” Елены Боннэр в десятки и сотни “Образований”, но каждое с независимым ЦК... А над десятками и сотнями ЦК — кружит Елена Боннэр из “Мозга” перестройки, Яковлев, Коротич, Адамович, Евтушенко, Шаталин, Станкевич, Заславский, Корякин, Ивановы, Ришина.

Борьба набирала обороты. Из “Мозга” перестройки большинство прорвались в депутаты. Некоторые — подкормлены ЦРУ. Некоторые — зарубежными “специалистами”. Сытые, принялись разворачивать, напирая на кокетничающего интеллигента Шаталина, 500 голодных дней. Не удалось. Рабочие не поддержали. Тогда “Мозг” перестройки вытянул бесчисленными листовками, газетами, журналами, прессой — она ведь обильно ими захвачена, вытянул тысячи и тысячи сограждан на перекрестки, проспекты, площади демонстрировать несогласие и прозорливость!

Помаршировали, потоптались, помитинговали, поучили наизусть шлягеры Высоцкого, стихи Пастернака, муки Мандельштама, программу “Что делать” Попова, вождя московской “экономической аристократии”, Союз писателей СССР разделили на “апрелевцев” и на “быдло”. Ну? А государство еще дышит. Тогда “демократы и перестройщики”, объявляя “недействительными” договора и акты, культовскими, приступили валить Председателя Совета Министров Н. И. Рыжкова. Довели его до инфаркта, — публично заметил калмыцкий поэт Давид Кугультинов.

Доводя, повыскакивали, и не мало, а порядочно весьма из КПСС, вылили накопившиеся в их банках и ведрах помои на КПСС, а Собчак, Ассабах Ленсовета, едва успел получить партийный билет, как выскочил из рядов КПСС, помогая “Мозгу” перестройки...

Зазвучали интервью, заявления, предупреждения, коллективные протесты. Благо — листовок, газет, журналов, микрофонов, экранов, перекрестков, проспектов, площадей у них — уйма. И печать, просионистская и яросионистская, у них — демократы же! Удивительные демократы, нежнейшие прорабы, обладатели “Мозга” перестройки, публицисты, юристы, ученые, прозаики, лирики, а одергивают и затыкают рты, чуть ты зашевелился:

— Фашисты!..

— Большевики!..

—Черносотенцы!..

— Монархисты!..

А в столице СССР, Москве, очередной сионистский съезд зачитывает соглашение: “Сионизм — национальное еврейское движение, цель которого — собирание рассеянного еврейского народа на его исторической родине... Сионизм сегодня — это алия и обеспечение существования государства Израиль” (“Резолюция о сионизме”, 1 съезд еврейских организаций и общин СССР, декабрь 1989 года). Или еще: “Съезд заявляет о своей решительной поддержке репатриаций евреев, принявших решение покинуть СССР, ибо только в Израиле евреи обретают полную гарантию национальной защищенности и могут внести достойный вклад в укрепление и развитие своего государства”.

Над маковками Кремля, над Спасской башней, над Гербом СССР учиняется легализация сионизма, хотя под резолюцией ООН № 3379 от 10 ноября 1975 года, квалифицирующей сионизм как форму расизма и расовой дискриминации, стоит подпись и представителя СССР. Но на “Конференцию еврейских общин и организаций СССР”, открывшуюся 21 января 1991 года в Москве, подано 1200 заявок из более 400 еврейских организаций из десятков городов СССР. Приглашены на конференцию лидеры мирового сионизма...

В газете “Советская Россия” 17 января 1991 года ответственный секретарь Антисионистского комитета В. Кривулин сообщает: “Но, к сожалению, этот вопрос решают высокие инстанции. Ведь очевидно, что без поддержки властей на высоком уровне проведение у нас в стране таких масштабных сионистских мероприятий просто невозможно. Например, кто в Москве обеспечит гостиницами 1200 делегатов II съезда ВААД?”

Сионисты не скрывают, пояснил В. Кривулин, что интересы Израиля для них выше той страны, где они живут. В. Кривулин ссылается на документ. В нем записано: “Американское правительство является участником трехстороннего (секретного) соглашения, заключенного в 1988 году в Женеве и в Москве и подтвержденного в 1989 году на Мальте в ходе советско-американской встречи на высшем уровне. В рамках этого соглашения США, СССР и Израиль договорились:

- а) открыть границы СССР для эмиграции всех евреев, желающих покинуть страну;
- б) разрешить Израилю и находящимся под его контролем еврейским организациям в других странах заниматься вопросами этой организации;
- в) значительно сократить число советских евреев, выезжающих в США, и отменить существовавшие ранее условия, способствующие этой эмиграции;
- г) усилиями еврейско-американских посредников добиться предоставления СССР некоторых экономических и политических льгот при условии, что они будут способствовать эмиграции советских евреев”.

Владимир Залманович Кривулин продолжает: “Все, что там записано, реализуется или уже реализовано. Невольно на ум приходят слова одного из посетителей нашего комитета: “Наша страна торгует нефтью, углем, газом, рудой, а сегодня еще и советскими людьми”.

* * *

Но нашим “демократам и прорабам” перестройки этого мало. Давай, отстегивай области. Давай, отстегивай края. Давай, отстегивай республики. Щедрые, как подвыпивший

купчик на ярмарке, на торгу. Поглядишь, поглядишь, поскребешь в голове: а своя ли для них Россия? А своя ли для них вся наша Родина? Может, Россия для них — базар? Может, Родина для них — биржа? Почему они, “демократы и прорабы”, молчат о мальтийском “секретном документе”, вопя о “пакте” Риббентропа — Молотова, а? В чужом глазу соломинку мы видим, а у себя не видим и бревно. А соломинка — область, край, республика.

Да, их, “демократов и прорабов”, листки, газеты, журналы, микрофоны, экраны, их, “демократов и прорабов” перестройки, лица, жесты, речи, порывы, отрицания, желания, индивидуальные и коллективные, похожи на одну колодку, как говорится в народе, но чужие, словно кому-то услужить подрядились и стараются. А остальные — “фашисты”, “антисемиты”, “русофилы”, “монархисты”, “сталинисты”, “механизм торможения”, “консерваторы”.

Почитайте Троцкого — на них смахивает, и сильно. Почитайте Свердлова — на них смахивает, и сильно. Почитайте Лазаря Кагановича — на них смахивает, и сильно. Почитайте Генриха Ягodu — на них смахивает, и сильно. Почитайте Лаврентия Берия — на них смахивает, и сильно. Смахивает иудиним искусством обвинять, ярлычить, прожорливым аппетитом — отстранять, укрощать, судить непокорных. Я понимаю разницу между расстрелом и 500 днями встряски организма “гоя”, но если расстрел — ликвидация, то 500 дней встряски — художественный танец перед гибелью. А Шаталин, ребенок бюрократии, аппарата, интеллигент, умница, на экране улыбается, “механизм торможения” ломает, не ломает — в Комитет, в общество милосердия к Яковлеву устроится, там и верующим в Бога стать можно: Бог все простит, Бог не народ... Ярлычить, порочить, смещать — мастера. Но откуда привычка? И привычка ли? Вдруг — наследство? Наследство — скрытое от народа. Наследство — базар. Наследство — торг. Наследство — ненависть. Наследство — предательство интересов коренных народов, коренных земель, коренных, суверенных государств СССР. “Литературная газета” осуверенителась, а писатели острят:

Опять пахнул на полпланеты
Чесночный соус “Литгазеты”,
Как свежий мартовский навоз,
Шамир и тот воротит нос.

Однотипность лиц, однотипность страстей, однотипность идей, однотипность решений... Откуда же? Где источник, где? Плодиться тут, а торговать туда. Вырастать тут, а сбегать туда. Слюнявить и пакостить тут, а золото в бельевых узлах провозить тупа. Расстреливать здесь, а диссидентствовать там. И — прятать следы. И — прятать следы. Винить — всю партию. Винить — весь народ. Но если во главе перестройки — “Мозг” перестройки, то во главе народа — “Мозг” партии... Было это или не было? Взглянем на “Правящий класс” СССР перед Второй мировой войной, 1936-1939 гг.

Секретариат Центрального Комитета ВКП(б):

- И. В. Сталин
+ Л. М. Каганович

Организационное бюро Центрального Комитета ВКП(б):

- И. В. Сталин
- Н. И. Ежов
- Н. М. Шверник
- + Я. Б. Гамарник
- + М. М. Каганович

Центральный Комитет ВКП(б):

- В. А. Балицкий
- + К. Я. Бауман
- И. М. Варейкис
- + Я. Б. Гамарник
- Н. И. Ежов
- И. А. Зеленский
- + И. Д. Кабаков
(Розенфельд)
- + Л. М. Каганович
- + М. М. Каганович
- + Г. Канер
- + В. Г. Кнорин
- + М. М. Литвинов
(Финкельштейн)
- С. С. Лобов
- + И. Е. Любимов
(Козловский)
- Д. З. Мануильский
- Ю. П. Носов
- Ю. Л. Пятков
- + И. А. Пятнищош
(О. А. Блюмберг)
- + М. О. Разумов (Сагович)
- + М. Л. Рухимович
- К. В. Рындин
- И. В. Сталин
- + М. М. Хатаевич
- + М. С. Чудов (Асков)
- А. М. Шверник
- Р. И. Эйхе
- + Г. Г. Ягода
- + И. Э. Якир
- + Я. А. Яковлев (Эпштейн)
- + Л. Кришман
- И. С. Уншлихт
- ? А. С. Булин

- + М. И. Калманович
- + Д. С. Бейка
- + Цифринович
- + Трахтер
- + ф. П. Грядинский
- + Г. Н. Каминский
- + Битнер
- + АК.Лева
- + С. А. Лозовский (Дридзо)
- Б. А. Позерн +Т. Д.Дерибас
- В. В. Осинский
- К. К. Стриевский
- Н. Н. Попов
- + С. Шварц
- + Е. И. Вегер
- + Л.З.Мехлис
- А И. Угаров
- Г. И. Благодоров
- + А П. Розенголд
- + А. П. Серебровский
- + А М. Штейнцрг
- + И. П. Павлуновский
- + Г. Я. Сокольников
(Бриллиант)
- + Г. И. Бройцо
- + В. И. Полонский
- + Г. Д. Вайнберг

Минусами отмечены лица не еврейской, а других национальностей. Картина — закачаешься. Как же могут наши “демократы и прорабы” перестройки приписывать “русофильство, русский шовинизм, русский национализм, русский монархизм, русский антисемитизм” тому ягодо-кагановиче-мехлисскому времени, как? Стыда нет. Или они, наши “демократы и прорабы” перестройки, злятся, что ныне “на верху пирамиды Хеопса” их меньше? Но меньше ли их “под верхом пирамиды Хеопса”?.. Не меньше.

Слава Богу, люди не знают, не ведают — списки совминов, комитетов, комиссий того периода еще печальнее показанного мною, еще преступнее — черные, кровавые списки палачей, убийц русского народа.

Можно и нужно упрекать партию, можно винить, но не за репрессии, а за ротозейство, за трагическую неповоротливость, за отсутствие трезвой и неодолимой гласности, отобранной у нас казнителями — троцкистско-сионистскими кровавыми кар-ликами. Лучшие сыны партии — расстреляны в подвалах, замучены в камерах, раздавлены золотыми глыбами на Колыме, заметены буранами Певека, покрыты холодными туманами Сахалина. Коммунисты, пахари и сталевары, инженеры и летчики, биологи и физики, труженики Отечества, унесены ядовитой холерой. Сионистскую чуму партия проворонила: не разгадала сразу. А разгадала — руки у партии были уже скручены за спиною. Сегодня не понимать ядовитой пурги сионизма, сегодня не доверять русскому

народу — завтра снова безвинно вставать под пули в палаческих подвалах!.. Черви — черви. Кровавые карлики — кровавые карлики. Ничего их не остановит. Ничего их не образумит. Зорче нам надо было быть. Непримириее ко всему, что лжет, ерничает, травит, ко всему, что чуждо нашему сердцу и оку. Вот, поинтересуйтесь, с каким хамством и непосредственностью изгаляется над партией пародист Иванов (?) (Иванов — Фукс, Фекс или Фикс?), тот самый Иванов,, который “оседлал” русского Пегаса и гонит его — от Брежнева до Андрея Дементьева, торча из телевизора, посыпая перхотью “остроумия” русскую поэзию, с боку торча, как на подножке трамвая: “Во-первых, Рональд Рейган. Этот великий президент США, войдя в Белый дом, сомкнул руки на горле мирового коммунизма и, то посмеиваясь, то хмурясь, не разжимал их до начала перестройки.

Во-вторых, Маргарет Тэтчер. Ее органичное неприятие коммунизма, ее стальная твердость и элегантная непримиримость сыграли важнейшую роль.

Не обижайтесь, Михаил Сергеевич, что Вас я называю третьим. На Вашу долю выпало самое главное, самое сложное — практическое осуществление демонтажа Системы. Вам это удалось. Говорят, что Вы не предвидели всех последствий. Возможно, и даже вероятно. Но какое это теперь имеет значение...

Случилось то, что и в самом сладком сне не могло присниться ни покойному Францу-Иозефу Штраусу, ни здравствующим Сбигневу Бжезинскому, ни Ричарду Пайпсу.

И вот теперь — долгое топтание на месте. Хотя, казалось бы, путь выбран верный — приватизация и рынок...

Михаил Сергеевич!

Откажитесь от Коммунистической партии!

Когда партию возглавлял Сталин, это было понятно: тело соответствовало голове.

Когда во главе КПСС стоял Брежнев, это тоже было понятно: голова соответствовала телу. Но Вам-то не к лицу...

Деятель такого масштаба не может, не должен возглавлять партию политических банкротов.

Оставьте это полозковым и компании. Эти люди неисправимы. Тут — случай сугубо медицинский, тяжелая патология мозга”.

И скалится дальше:

“Бросьте их, Михаил Сергеевич!

Вы даже сами, может, еще не понимаете, как Вам (и нам) станет хорошо, как глубоко и свободно Вам вздохнется. А если не верите, спросите у Бориса Николаевича...”

Сколько в пародисте яда, наглости, талмудного цинизма, сколько же в нем ненависти, чуждости, лакейского угодничества, сколько же в нем грубого беспамятства: ну где — Лев Троцкий, ну где — Ягода, ну где — Урлих, ну где — Вышинский, где — Берия? И почему партия — партия полозковых, партия — тяжелой патологии мозга? КПСС — заложница Горбачева и Яковлева?

Казалось бы — пародист с “вывихнутым” взглядом на жизнь, а, поди ты, из наших “демократов и прорабов” перестройки, нюхающих осклизлую вчерашнюю кровь на раскопках их “Мемориала” и тяготеющих публично к безвинной свежей казни. Да, нетерпеливцы!..

Пародист торчит в телевизоре, а 6 января 1991 года со страницы газеты

“Демократическая Россия” шипит: “...сомкнул руки на горле мирового коммунизма и, то

посмеиваясь, то хмурясь, не разжимал"... Да, жестокость кобры, воспитанная веками! Но это — с газетной полосы. А Яковлев, как бы стесняясь, ныряя под милосердие, кликает из телевизора к человечности, забыв "безжалостно сломать тормоз", забыв и нас, глупых, взлетает, орлит в сажу демагогии.

О, дескать, в какое время мы живем! Какие чудеса мы делаем! Как страну мы раскрепостили! Как мир мы вдохновили! И это — он, скромный академик, экономист, политик, историк, он, одаривший "свободой" области, края и республики, он, ныне за бинтами и ватой милосердия не чувствующий, не слышащий юную смерть русских ребят у гранитных стен Прибалтики, на мосту Кишинева, он, поучающий вчера, как нам жить, кого где чтить, правда, в основном чтить — за границей, особенно — в Канаде... Лучше — за границей, соцлагерь Яковлев и Шеварднадзе "упразднили", союзников "турнули", но не из прихоти, а из милосердия...

Страдальцы, "демократы, прорабы", как от вас пахнет Троцким, Ягодой, Берией, Свердловым, как от вас несет безапелляционными обвинениями, как вы, ассабахи, собчаки, гдляны, точно унюхиваете следы, уводящие в расстрельные подвалы, будто с детства наблюдали за топорами мастеров заплечных дел, будто росли вы под могущественным покровительством кровавых карликов непокоя.

Участники цареубийства — Юровский, Вайсбарг.

Участник убийства Колчака — Ливенсон.

Участник травли поэта Гумилева — Брик.

Участник суда над поэтом Ручьевым — Арензон.

Участница суда над поэтом Клычковым — Розалия Моисеевна Бегак. И т. д. и т. д.

* * *

Все эти менжинские, гамарники, якиры, тухачевские, ягоды, ежовы, берии, микояны, Хрущевы, сусловы, брежневы, Гришины, рашидовы, промысловы, Кунаевы, алиевы, Шеварднадзе, разумовские, Яковлевы, слюньюковы, зайковы, романовы, пельши, зимянины, Медведевы, демичевы — не КПСС. Это — обкормленные нашими партвзносами глиняные бюсты, ненасытные идололобые кабинетчики. Они — следили за аппаратом. Аппарат — за ними. За малое "отклонение" от их "сектантских уставов" рядовой коммунист подвергался такому шельмованию, такому позору, многие, искренние, не выдерживали: уходили из социализма в загробное царство...

До и после ягодо-бериевских лагерей — суды "партчести", но над кем? Не над Кунаевыми же. Не над Гришиными же. Не над брежневыми же. Болванолобые идолы аппарата — кровавые карлики. Их дьявольские пальцы — на горле коммунизма. Пусть пародист запомнит и не путает партию с болванолобыми кровавыми карликами: с ягодами, ежовыми, бериями, шкирятовыми, пельшами и прочими. Расстреливать не перестали — убивать "дисциплиной и принципиальностью" не прекратили. И это — от имени партии. И это — от имени народа, поскольку "Партия и народ едины!..".

Ягодо-бериевские "партначальники выясняли", не из дворян ли, не из буржуев ли, а наши "демократы и прорабы" визжат ненавистно на всю страну: "Выходите из КПСС, честным не место в КПСС!" Визжат те, кто вчера "возглавлял, руководил", воспитывал, приговаривал, десятилетия находясь в парткресле, и вдруг прозрел, побежал из КПСС! Не хамелеон ли, не лакей ли, не изменник ли? Жареным запахло? Отвечать надо, глядя

в глаза народу? А чем отвечать? Программой партбаловня Шаталина — 500 встрясками, 500 днями крушений и распадов?

Давнишние диссиденты, холопы западных радиостанций, подметалы и подбиратели со столов “Свободы”, “Волны” и то сдержаннее ведут себя, чем наши “демократы и прорабы” перестройки. Наши “демократы и прорабы” перестройки тянут народ на перекрестки, проспекты, площади митинговать и возмущаться КПСС — народом возмущаться. О, дай-ка только им власть — окрасят свежей кровью затхлые преступные ягодо-бериевские подвалы... Это — наследники бронштейнов, Свердловых, ягод, ежевых, берий, это — лишь пока без крови, пока.

Вчера по Большому кольцу Москвы десятки тысяч шли с плакатами, лозунгами, призывами, упреками, угрозами. Шли москвичи. Шли приезжие. Шли, поднятые и возбужденные “демократами и прорабами” перестройки, и, вручи им оружие, — гульнет огонь расстрелов по тротуарам. Ведь даже одиннадцатилетние, пятнадцатилетние шли. Дети шли. Многие среди шедших по Москве 20 января 1991 года — заблудшие, обманутые “страданиями за народ” наших “демократов и прорабов”, шли, многие, подтолкнутые взвинченной социальной нищетой, и шли те, кто ненавидит СССР, кто готов предать, уползти. Несправедливо наказанных — простить надо. Нагло орущих “Долой СССР!” — выпроводить надо. Пусть живут там, где мило им. Желать, хрипя, своей стране раздора, требовать ее разрушения — подлость!

Завтра, если власть приберут наши “демократы и прорабы” перестройки, начнется выверение биографий. “Состоял ли в рядах КПСС?” “Имеешь ли отношение к советской власти?”

Ничего другого, тем более милосердного, наши “демократы и прорабы” не сулят. Даже А. Н. Яковлева вспомнили. В суматохе митинговщины вспомнили: руководить пригласили, а он — отказался, а кто-то из приглашавших и передумал, попятился на него, ведь Яковлев, породивший “честные” многотысячные демонстрации и их возмущения, “сломав беспощадно механизм торможения, не дрогнул”... Вот — результат: кровь на улицах Тбилиси, кровь на улицах Вильнюса, кровь на улицах Кишинева, кровь на улицах Риги, Оши, Таллинна, Ашхабада, Карабаха, Баку, Алма-Аты, Душанбе.

А кто будет судить Яковлева? Некому. Демонстрации идут. Их уgomонить торопимся, иначе — взрыв. Асами взрывники — “милосердные”, безнаказанные граждане СССР, потомки и продолжатели гнусности кровавых карликов, палачей эпохи!

Кто при Брежневе был незаменимым обозревателем и знатоком американских президентов, их “идиотских привычек, их звериных нравов, их человеконенавистнических” доктрин? Генрих Боровик.

Кто разоблачил “милитаристскую Америку, ее сенаторов, мошенников, ее конгрессменов, дармоедов”? Генрих Боровик. А кто сейчас уважает Америку? Генрих Боровик. А кто сейчас упоенно хвалит американских президентов, сенаторов, конгрессменов? Генрих Боровик.

А кто при Брежневе мерцал и сиял на экране еще? Роберт Рождественский. Похож на Леонида Ильича, а Леонид Ильич — на Роберта Рождественского. Оба они потрясли выступлениями страну. Если передача сносная, люди считали: это — Леонид Ильич. Если передача несносная, люди считали: это — Роберт Рождественский...

А еще кто мерцал и сиял на экранах, на полосах “Правды”, “Известий”, на сценах, дивя и облагораживая аппарат ЦК КПСС и нас, темных, но партийных? Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Андрей Дементьев, Владимир Высоцкий, Евгений Евтушенко, почти

как Илья Эренбург или Константин Симонов, они домашними животными, мягко и ласково, терлись в родных подъездах руководителей СССР.

Коротич, Ананьев — за ними, по следу, по следу! А сейчас? Сейчас они — ум нараскоряку: перестройка шибко не туда идет. А как шла туда — они славословили Горбачеву, Яковлеву, Бразаускасу, ближайшему сподвижнику Коротича, неувядающему герою “Огонька”... Яковлев восьмой съезд СП СССР провел солидно, перестроечно, “беспощадно ломая механизм торможения”... Стоял “на мостике”, капитан корабля. Вдаль глядел. Курс выверял. А в зале кипело, ухало, вздымалось. Окатывало сионистским гулом Петра Проскурина, Егора Исаева, вертело среди бурунов Бондарева, Белова, Кузнецова, а Яковлев вдаль глядел. Капитан же! Суровый, умный и, по характеристике Коротича, — ананьевски надежный. Яковлев и Коротич — рядом. Вместе горе мыкали по канадским виллам, у президентов и премьеров, томились, готовились к писательскому съезду, оба — русские и тоже похожи между собою, как Брежнев и Рождественский.

Зачем Василию Федорову печататься в “Правде”, в “Известиях”, в “Литературной газете”, его и без этого русские любят. Он русский поэт, а коли русский, то — антисемит. Ну? Сидит Федоров в ЩЩ и евреев ругает. Рыбу ловит Федоров на Оби — евреев ругает. Зубрит наизусть Маркса — евреев ругает. А вокруг — развитой социализм... Сидит Евтушенко в Переделкино, на литфондовой даче, — русских ругает. Ездит по Израилю — русских фашистов ругает. Выходит из Кремля — “Память” бранит. Сионист. Федоров, русский, — антисемит. Евтушенко, еврей, — сионист. А кругом — интернациональные партчиновники улыбаются. Они-то все знают, все и про всех знают, точные направления государств и обществ известны лишь одним им.

Ну что — русский? Ну что — еврей? Не могут же уважать русский еврея, а еврей русского? Не могут. Такое под силу — лишь одним партчиновникам и вдохновенным поэтам-интернационалистам, как Булат Окуджава или Роберт Рождественский, или Яковлев с Коротичем, или Боровик.

Зачем Федорову экран? Экран — Коротичу. Экран — Яковлеву. Александр Николаевич теперь — потти поп. Говорит добродушно, милосердно, не ломает “механизм торможения”, а зовет нас, даже нас, экстремистов русских, к смирению, к утишению, к благодати. А давно ли за русскую березку, за разрушенную церковь в чьих-то стихах карал нас, долбил нас перстом зоркого чекиста по лбу? Как дрофа — лапой. Хотя и — сухим вылез из мазута...

Подло от имени народов сеять вражду народа к народу. Грязно искать в любви к традициям, к обычаям русского или еврея, что-то “пороховое”, что-то запрещенно-антисоветское. И давить, давить на людей, мучающихся неразберихой, неуютом, несправедливостью жизни. Подло среди сотен тысяч уехавших из СССР евреев выискивать “русскую” причину — русский шовинизм, русский фашизм, нахально навязываемый нам сионистской прессой. Навязывая, она отказывает евреям нормально, добровольно, любить их историческую Родину, а помогает только — бежать от русского антисемитизма: не унижение ли?

Комиссариат внутренних дел
(ОГПУ)

Комиссар: + Г. Г. Ягода

Помощник: + Я. С. Агранов (Сорензон)
Начальник Главного
управления милиции: + Л. Н. Бельский
Начальник Главного управления лагерей и поселений: + М. Д. Берман
Заместитель: + С. Г. Раппопорт
Начальник Беломорских лагерей: + Л. И. Коган
Начальник Беломорско-Балтийского лагеря: + С. Г. Фирин
Начальник Главного управления тюрем: + Апетер

Уполномоченные ОГПУ:

Московской области — + Реденес
Ленинградской области - + Заковский Оренбургской области — + Райский
Киевской области — В. А. Балицкий
Северо-Кавказский край - + ФридбергСредней Азии — + Пилер
Таджикистана — Солоницын
Узбекистана — ? Круковский
Азербайджана — ? Пурнис
Сталинского края — + Раппопорт
Винницкой области —+ Соколинский
Харьковской области — ? Карлсон
Дальневосточного края — + Т. Д.Дерибас
Казахстана — + Золин
Смоленской области — + Нельке
Западной области — + Блат

Видные работники ОГПУ — НКВД:

+ М. А. Трилиссер
+ Л. Н. Мейер
+ Ф. М. Курмин
- А. И. Рыбкин
? А. Р. Фармайстер
+ С. А. Розенберг
? Г. П. Кладовский
+ А. Л. Шапиро
+ М. Л. Патер
+ А. Р. Дорфман
+ И. И. Иванов
- Э. И. Сенкевич
+ М. Д. Берман
+ Д. Я. Зайдман
+ Л. М. Кудрик
+ И. В. Путилик
+ М. Ф. Госкин

+ М. С. Иезуитов
+ Я. М. Дымент
+ И. Г. Вейцман
+ В. С. Баумгарг
+ Е. А. Володарский
+ Л.А.Залин
+ З. Б. Кацнельсон
+ Л. Д. Вуль
- Г. В. Гродисс
? Ф. И. Сотников
+ А. Г. Минкин
+ Ф. М. Кац
+ Л. И. Шпягельман
+ Н. А. Френкель
+ Б. В. Гинзбург
- И. Ф. Юсис
+ С. Г. Гиндин
+ В. Я. Зайдман
+ А. М. Вайнштейн
+ М. И. Лебель
+ К. А. Гольдштейн
+ М. С. Курин
+ Я. Ф. Вольфзон
+ Г. Я. Абрампольский
+ М. М. Вейцман
? Е. Г. Иогансон
+ А. А. Абрамович

Как братьев-кагановичей было много, торчали они в ЦК ВКП(б), в совминах, в минторгах, так и тут, но тут — в самой охранно-карательной мафии: В. Я. Зайдман, Д. Я. Зайдман, И. С. Вейцман, М. М. Вейцман, родные, наверное, двоюродные, троюродные, и “кагальные” годились, работали, кровавили Россию.

Иногда мне кажется: бегут они, кровавые старцы, кровавые карлики, бегут их сыновья и дочери, бегут их внуки, чувствуя кровавую вину, кровавую мглу, наплывшую из кровавой бури 1917 года, затеянной ими... Но, убежав, занимаются тем же. А. Минкин оправдывает Гитлера, дескать, так нам, русским, и надо, и мне трудно уяснить: какой это Минкин. Минкин, предавший нас, улепетнувший на Запад? Или Минкин, у нас живущий, но торгующий авторитетом нашей Родины? Куда ни повернусь — Минкин. Минкиных — как мышей в мякине или мух на меду... Тот, папа, Минкин? Или новый Минкин?

Коневская Ирина кликушествует, маразматично и заразительно, как ангиной болеет, сипит: мол, бьют, пыряют, травят, зубы выдергивают на остановках, насилуют, а она и спасти Россию не может — далеко, на “забугорной” радиостанции, и вернуться ей к нам опасно. Пока на “забугорных” радиостанциях трудятся такие кликуши — мы не пропадем.

* * *

Да, арестовывают тебя, приводят на Лубянку, а там — ни одного русского, каково? Хотя и русские палачи не отличались состраданием, пускали русским в висок пулю, аж ввинчивалась. Умельцы обвиняют Сталина в антисемитизме, а списки-то, я их выше привожу, из 1939 года... Какой же Сталин антисемит, если и сейчас ты зайдешь в юрконсультацию, допустим, к Петрову, а Петров — Конторович, при чем тут Сталин? При чем тут антисемитизм?

Печать нам не дает анализа, как случилось, что “малый народ” закупорил “вены” большому. Печать не рассказывает, кто встал у кадров с 1917 года. Истребление интеллигенции, крестьянства, рабочего класса, и — у каждого народа, и — у каждой нации, но беспощаднее — у русских. Даже теперь “интернациональные шакалы” вынюхивают в мертвых русских деревнях, на пропавших могилах русский шовинизм, русский фашизм. Кровавые карлики. Христопродавцы. Слепые организаторы трагедий. Мой хутор, Ивашла, располагался между двумя большущими селами, заводами, как в старину их называли в дореволюционных энциклопедиях: Преображенский завод и Кана-Никольский завод. Преображенский завод основан в 1743 году, а Кана-Никольский завод основан в 1751 году. Заводы стояли на расстоянии примерно ста километров. От завода и до завода — хутора, хутора.

На заводах добывали медь, делали кирпич, а на хуторах — собирали живицу, смолу, разводили птицу, лошадей, занимались пчелами. Сплавляли по рекам в уральские города сосну, лиственницу, кедр, липу, осину. И охраняли луга и пашни, умножали взятое: срубил две березы — восемь посади.

Отец, лесник, меня, мальчишку, таскал по дедовским и прадедовским колкам: “Эти сосны — твоего прадеда, Александра Александровича Сорокина, он сажал! А эти кедры — кедры твоего прапрадеда Александра Павловича Сорокина, сам сажал!..” Отец находил бокастые, раза в два объемнее, чем памятник Карлу Марксу у Большого театра в Москве, пни, залитые живицей, смолой, а на пнях буквы: С. А. П. Значит — Сорокин Александр Павлович. Мои предки, лесоводы, лесники, животноводы, пчеловоды, все “запечатлены” на огромных пнях, рассчитанных природою надолго. По отцовской и материнской ветвям предки, Сорокины и Миногины, врубили свои имена в комли, в стволы, в основу могучих уральских деревьев, павших во имя нас...

Меня, мальчишку, поражала ровность, аккуратность затесов, художественная красота рубя: глядишь через смолу, а под смолой буквы, натертые черной землей, свежие, бессмертные имена пращуров, сильных, щедрых, красивых — жить бы и жить! В 1751 году Кана-Никольский завод, гнездо Сорокиных, имел около четырехсот с половиной домов, семей, а жителей — около четырех тысяч...

Подсчитайте, это — почти по десять человек на дом. Так русская нация распорядилась возможностями крови, желанием быть на земле. Восемьсот рабочих, кананикольцев, давали свыше десяти тысяч пудов меди за двенадцать месяцев. Десять тысяч пудов меди. Не отбойный электромолоток, не экскаватор, а руки труженика, русского горняка давали десять тысяч пудов красной меди! Преображенский завод, гнездо Миногиных, еще обильнее, еще жизнерадостнее.

Дома — на каменном фундаменте, под железом. Еще и внуков наших переживут. Но грянула беда над хуторами: заколхозили их, заколлективили, зараскулачивали, заобъединяли, давай истреблять указами, тюрьмами, войнами, налогами, давай истреблять. Хутора вокруг Ивашлы — Карама, Успенка, Павленка, Киевск, Ново-Никольск и десятки других, исчезли. Их стерли с лица земли Сталин, Хрущев,

Брежнев, их нет. На занятых когда-то ими участках пастухи кормят скот. Трава сочная и густая...

Заводы, Преображенский и Кана-Никольский, и хутора входили в Оренбургскую губернию, позже вошли в Башкирию, при очередном территориальном дележе. А когда уничтожают хутора, то правитель, самодержец СССР, похож на того дурака, что сидит на суку и его же подпиливает — допилились. Индонезия продает нам носовые платочки, а Куба в трюмах кораблей посылает России картошку.

От Ивашлы моей, а Ивашла — это ива шла, шла ива, ничего не осталось: кресты и те повалились, посгнили. На горе — кладбище. Там — предки мои лежат. Три брата лежат. А на десятки верст — ветер. На десятки верст — скалы и небо. И — тишина, горькая, русская, грозная...

Хутора исчезают — вымирают села, пошатываются города, вместе с Москвой пошатываются. Молока не купить. И заводы мои, Преображенский, ныне село Зилаир, и Кана-Никольский, ныне Кана-Никольск, убывают. Детей в доме — один, два. Зато на воротах — почтовые ящики, а в ящиках газеты, а в газетах речи, длинные, обещательно-пустопорожние, как в 1917, 1920, 1930, 1940, 1950, 1960, 1970, 1980, 1990 годах. А между годами — Россия, “царская тюрьма народов, русский национализм, русский шовинизм, русский фашизм” и могилы, могилы. На Урале, на Волге, под Курском, в Праге, Бухаресте, Софии, Варшаве, Будапеште, Вене, Берлине и — дальше, аж до Афганистана!

А мать моя, Анна Ефимова, черна от печали, сидит на могилах сыновей, сидит на могиле отца, умершего-таки от ран, сидит и видит: миллионы матерей сидят, черные от печали, сидят у могил сыновей, мужей, дочерей, сидят и встать не могут, грудь надорвана работой в поле, а глаза выплаканы, и только — слезы в горле, слезы в горле.

А “демократ” Адамович “русских фашистов” нашел. Евтушенко нашел. Коротич нашел. Яковлев, академик, милосердием, разгромив русских писателей, увлекся. А на Белгородчине пули свистят, танки ревут, и на завалинках — черные вдовы, и крика детского не услышать... Зато посылочка из ФРГ к бабушке, вдове солдатской, прильнула, в посылочке — нежная манка и стальной сахар поблескивают. Спасибо немцам, милосердным. Яковлеву-то, одному, не поднять Россию. И Шеварднадзе в отставке.

А Илья Эренбург ездил по Европе и Америке, утверждая эпохальные пророчества корифея, вождя всех народов и племен — Сталина. А Константин Симонов балабонил:

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас,
Ты должен слышать нас, мы это знаем.
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.

А Евгений Евтушенко захлебывался розовощекиим детством:

Он знает:
рождается в нашем труде
завтрашний день Отчизны,
и видит,
как всходят зерна дел

нивами нашей жизни.

Галина Серебрякова посвящает роман “Прометей”: “Великому ленинцу — Никите Сергеевичу Хрущеву”... А Генрих Боровик наизусть зафиговывает по телеэкрану главы из очередного опуса Леонида Ильича Брежнева, опуса, состряпанного лакеями-публицистами, зафиговывает лесенкой:

Американский президент
Ценит в Леониде Ильиче
Лидера мирового масштаба!

Скребет по листку бумаги пером ангела Адамович: “...выступления М. С. Горбачева составляют линию, стремительно уходящую в будущее. Быть впереди него — дело чрезвычайно трудное, если не невозможное, что ощущаешь, однако, с радостью”. Теперь, правда, Адамович — нервничает, протесты подписывает и угрожает “нелюбовью” Горбачеву. Изменник.

Лигачев, уйдя на пенсию, расхрабрился: президента критикует. Лихачев прозрел: подряд, с одинаковой присталью и утонченным вкусом, цитирует стихи Александра Пушкина и Осипа Мандельштама. Умница, гордость русская!..

А кто “кутерьмой” заправляет? Партия. Не те, кровавые карлики, представленные мною в списках, а партия. Заправляла и заправляет. А Ягода — святой. Каганович — святой. Ежов — святой. Берия — святой. Микоян, проторговавший наши картинные галереи и наши культурные накопления, — святой. Хрущев — святой. Гришин — святой. Суслов — святой. Громыко — святой. Яковлев — святой. Шеварднадзе — святой. Польше — святой. Чурбанов, и тот — шаловливый Галин бутуз.

Писатели эры развитого социализма: Чаковский — святой, Полевой — святой, Кожевников — святой, Инбер — святая, Алигер — святая, Рождественский — святой. Боровик — святой, Адамович — святой, Евтушенко — святой, особо святой — Окуджава, ему даже кошка шепнула, мол, и я — патриотка! Кошка-поклонница!..

Но святее всех — пародист Александр Иванов: откровенно заявляет, дескать, партийцы — шизофреники, партия — позор для Генсека и Президента. Восемнадцать миллионов тружеников — позор, а Иванов (?), один, маленький пародист, даже не ядовитый, а запашистый, маленький — гений. Советует, как обволочь рутинной восемнадцать миллионов, оттеснить их.

Демонстрации, митинги, воззвания, обращения, резолюции, а присмотришься — тоска по креслу, тоска по власти, тоска по Ягоде, Кагановичу, Берману, Френкелю, тоска по расстрельным подвалам, по колымским лагерям, по крови, тоска “интернациональных” беркутов!

А мы — антисемиты. А мы хотим дружелюбия и разнонационального представительства на радио, на экране, на сцене, в газете, в журнале, в медицине, в педагогике, в суде, в прокуратуре, в “верхушке”, традиционно слитой с ненавистниками русского народа. Святые, не надо рая, верните мою Родину!..

* * *

Выход из партии — штука трудная, затяжная. Разве честно — побрился и кинул

заявление: выхожу? Я, разевающий прилежно, как первоклассник, рот на каждое выступление Бориса Николаевича Ельцина, земляка-уральца, до сих пор не могу понять его разинского жеста. Со съездовской трибуны, в Кремле, пробуя свой клич, вывалил презрение к партии, к Революции, к народной крови, народному поиску истины. Заявил, грохнул кулаком, как Никита Хрущев ботинком в ООН! Кому Борис Николаевич способствовал? Кому угрожал? Кому обязывался оторопением зала? Или расчет был гораздо глубже? Вдруг зал, многотысячный зал коммунистов, как я, разинул бы рот и гаркнул “Ура!”, и встал, и ринулся бы кучно, наперебой, давясь, потея, за Ельциным, новым Христом, новым Степаном Разиным?

Старый горный баран, читал я, спешит, горячит стадо, готовя его к прыжку в бездну, сам — впереди. Но, когда стадо напирает, когда стадо, фыркая, летит, старый баран — в сторону: и жив. Борис-то Николаевич еще не очень старый. Промахнулся. Не напирали, не стадо, не полетели над пропастью. Но Борис Николаевич сиганул в сторону. За ним — Попов, Собчак, Станкевич, Заславский, Черниченко, Травкин, едва успев оторваться от титьки КПСС, но, выпуская, Травкин укусил титьку — вредный мальчишка! И все — на партию, все на нее, как на родную мать, как на родную бабушку, как на родную деревню, которую можно хулить, обирать, а она простит, а она не обидится: ведь она перед сиганувшими в сторону виновата — выкормила, выходила, вынянчила, титькой выпоила...

Почему Ельцин, Собчак, Попов, Травкин, Черниченко, Станкевич, Заславский не поносят знакомых, друзей, родственников, а, надеюсь, они у них есть, партийные, — почему они их персонально не позорят, а позорят КПСС? Персонально — сдача грядет? А КПСС — огромна, КПСС — в тисках, КПСС — в растерянности. Можно. Члены КПСС — облапошенные курды.

Почему Борис Николаевич не выбежал из КПСС, когда бульдозеры сравнивали с землей ипатьевский дом, где Юровский и Вайсбарг совершили казнь над царем России и над царской семьей, почему? Не верю, что Борис Николаевич лишь в Москве “взялся за ум” и превратился в демократа. Такое не бывает. Ельцин приехал в Москву не зеленым юнцом. И жена его, Наина Иосифовна, не в Москве “очнулась”, а демократизировалась еще на Урале, она бы, если бы ее муж, Борис Николаевич Ельцин, выбежал из КПСС при срытии расстрельного дома, не оставила бы в беде его.

Александр Николаевич Яковлев не жена Ельцину и то, хоть членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС числился, а позвонил Ельцину, мол, не горюй, ты не последний, многие за тобой побегут из КПСС. Недаром Александр Николаевич Яковлев теперь — самый главный специалист по милосердию...

Зря Борис Николаевич делит себя, возраст, на периоды: наивный, молодой, зрелый. Зря делит страну — на Россию и на СССР. Зря делит русский народ — на хороший, в России, и на — плохой, в Прибалтике. Народ — един, с единым характером, единым языком, единой Родиной. Зачем его растаскивать, ссорить? Русские беженцы не простят Борису Николаевичу.

Заключает “договор” с Коротичем о борьбе со СПИДом, а русским беженцам не помогает, оставляет русских беженцев на произвол, на авось. Да и демократическая российская пресса — сионизированная пресса: куда ни кинь, сочувствие сионизму. И штаты, кадры, подобраны — будто все прибыли из Израиля праздновать победу Ельцина. Нехорошо. Хотя я не антисемит. Нехорошо. Куда ни кинь — ассабахи, ассабахи!

Да и отдельные “демократы и прорабы” перестройки ведут себя щекотливо: Попов, Собчак. Сражаясь за правду, власть упустить боятся. Упустят — перестанут их развозить по кабинетам и аэропортам в пузатых лимузинах? Боятся “адекватностей” с родными и дорогими их сердцам пролетариями...

А приватизация — не панацея. Вон Коротич приватизировал “Огонек” и коллектив, а разлада не миновал: деньги не поделили или поделили, но не поровну: скандал.

Приватизация — полезна у честных демократов и прорабов перестройки.

А работать вы, Борис Николаевич, можете! При вас Москва посвежела. Рынки повеселели. Картошка, капуста, помидоры, даже булочки, пампушечки, появились и — без очередей. Автобусы быстрее забегали. Улицы умываться начали. Вы ушли — как при Гришине: в столице повеяло моргом.

Голосовать за вас я водил семью, даже внуков с собою прихватил. Радостно голосовали. Думали: первый человек, родной деятель, русский, за Россию болеющий, в Москве. Ведь там, “наверху”, о России-то некогда размышлять, там целый мир — на ладошке. Там, в Кремле, Буш бывает, Рейган заезжал. Великие. А Россия — Россия, о ней кто заботился, Сталин? Немцы под Кунцево — поскреб ухо и вспомнил о русских. А прежде-то: шовинисты, шовинисты, монархисты, монархисты! А Шеварднадзе еще хуже: нелюбопытные мы, сказал, и ленивые мы, сказал, и, как вы из партии, Шеварднадзе выбежал из министерства, перестройку бросил, побег совершил. Что вы бегаετε, сигаєте, а кто отвечать собирается или нет за Россию, за СССР? На одного президента беду свалите, спихнете? Научились на Хрущеве...

При ваших руководствах — били диссидентов. При ваших руководствах — восторгаемся диссидентами. А сами вы, “демократы и прорабы” перестройки, — диссиденты, изпартийные диссиденты. Сейчас вас хвалит сионистская пресса, а если потом бить начнет? А бить есть за что. Родину нашу полуукокошили в Революции, в гражданской войне, в коллективизации, в индустриализации, в сражениях с японцами, финнами, немцами, в сражениях с ее несчастным народом, охоту к жизни у нее отшибли.

Полюбуйтесь на справочные цифры:

Гражданская война в России (1917—1921)	3 000 000
Война против Финляндии (1918)	50 000
—“— Балтийских стран (1918—1919)	110 000
-"- Польши (1920)	600 000
-"- Грузии (1921—1922).....	20 000
-"- Японии (1928-1931)	30 000
-"- Польши (1939)	3000
-"- Финляндии (1939)	400 000
Вторая мировая война (по свидетельству Хрущева).....	20 000 000
Красный террор (1917—1923): академики, профессора, писатели, художники, учителя, студенты.....	160 000
чиновники, офицеры, фабриканты, торговцы, полицейские и жандармы.....	50 000
духовенство	40 000
крестьяне и рабочие.....	1 300 000

Вторая волна чекистского террора (1923—1930)	2 000 000
Первый голод (1921-1922)	6 000 000
Второй голод (1930—1933)	7 000 000
Убитые “кулаки”	750 000
Третья волна чекистского террора (1933—1937)	1 600 000
Ежовщина (1937-1938):	
интеллигенция, рабочие, крестьяне.....	635000
члены Коммунистической партии.....	340 000
чистка Красной Армии	30 000
Предвоенные и послевоенные годы (1937—1947)	2 700 000
Находились в концентрационных лагерях и если не погибли от непосильного труда, издевательства и голода, то были обречены на верное умирание после освобождения.....	20 000 000
Всего из-за Советской власти население России уменьшилось на.....	67 558 000

Я беру данные профессора И. А. Круглова и данные из книги Андрея Дикого “Русско-еврейский диалог” (Нью-Йорк, 1970). Данные не рассчитаны на эффект, не рассчитаны на слабонервных. На тебя рассчитаны, читатель!

Какой же антисемитизм? С 1917-го еврейству в СССР — привилегия: вращает кровавое колесо истории, едва успевая, порой, отвести его от себя. Да и задуматься вам, Борис Николаевич, нужно. Окружение Ленина — они. Окружение Сталина — они. Окружение Хрущева — они. Окружение Брежнева — они. Окружение Андропова и Черненко — они. Окружение Горбачева — они. Ваше окружение — они, “демократы и прорабы” перестройки.

Не любят они пульсировать на первых ролях, а за спиной ЦК КПСС, Политбюро, Совмина — советники, академики, министры, реконструкторы городов, сносители деревень. Никуда не денешь их кровавое участие в гибели 67 558 000 человек, никуда. В Израиле сейчас на чемоданах сидят врачи, выехавшие из СССР, 6000 специалистов. А под Уфой или под Челябинском, под Пензой — банального медпункта нет... Куда деньги россиян расходуются? Куда труд россиян расходует? Куда мы движемся? На вымирание? На истребление русских?

А вы “в Прибалтике плохие русские”! Как вам не стыдно? Друзья Горбачева и ваши друзья, Рейган и Буш, способны нанести военный удар за одного гражданина США в любую точку планеты, а вы под носом предаете русских, за что же вас, “демократов и прорабов” перестройки, уважать?

29 января 1991 года газета “Советская Россия” писала: “В Москве завершился продолжавшийся пять дней второй съезд еврейских организаций и общин СССР (ВААД). “...Зачастую сворачивали на тему: “добрая мать — земля Израиля и злая мачеха — советская земля”-.

Иногда мне кажется, евреи, хотя дети за отцов не отвечают, в себе вину чувствуют — сматываются. Иногда мне кажется, засунули их в дальний угол СССР, а они желают Крым. Ну и дать надо! Пусть живут и трудятся на здоровье. Может быть, перестанут “закупоривать” нам житейские вены в культуре, науке, образовании. Пусть живут. Не хотят. Немцы бьются за возрождение автономии, а эти — бегут от автономии? Странно. Получается, упорные антисемиты — евреи: сами на себя вызывают негодование евреев

и неевреев.

А мы: виновата советская власть. А мы: виновата КПСС. Мы, только мы виноваты. Вернулся бы Ельцин в ряды партии, перестал бы кочевряжиться! И прессу почистить пора. Читаешь: бизнес, валюта, заграница, а работать некому, бастуют те, кто до перестройки, до гласности “демократов и прорабов” работал.

На экране — пошлость: раздеваются и одеваются, раздеваются и одеваются, раздеваются и одеваются, рассказывают — как им замечательно было в постелях. Ну разве не возненавидят эту похабщину наши соотечественники-мусульмане? Еще не раз Саддам Хусейн родится, если Алла Пугачева не прекратит совокупительным стоном будоражить население Союза Советских Социалистических Республик. Как в такой ситуации коммунизм строить: стонет и воет?..

Недавно я провожал в Израиль друга юности, Григория Туберта, и жену его, Мальвину. Он — держался, но губы подрагивали перед прощанием. А Мальвина ревела. Он просил меня сказать: “Добрее русских, Валентин, людей я не встречал!” А она еще признательнее: “У русских мы — дома, а еду — к чужим, детей жалко!”

Да, много мы, сообща, натворили. Сами кружимся в чертовом кровавом колесе и детей с толку сбиваем. А страна — своя, огромная, усталая от грызни нашей и от лютости “демократов и прорабов” перестройки! Помолчать время. Подумать время. Да и земля не ждет: пахать и сеять — сроки. Завод не ждет — к станку пора.

Перекипит моя страна,
Утешутся ее народы,
Но ты не скроешь, сатана,
Своей торгашеской породы.

Сатана — торгаш. Торгаш совестью, торгаш братством. Сатана — стая “демократов и прорабов” перестройки.

* * *

Загранкомандировки, загрансвязи по каналам литературным — в руках евреев. Загрансвязи, опираясь на опыт, личный, по линии культурорганизаций и представительств СССР там, за кордоном, — в руках евреев. Обмен рукописями, лифчиками, дубленками, мониторами, икрой, семгой — в руках евреев. Кооперативы, русские, и фирмы, зарубежные, — в руках евреев.

Кто ввез к нам, в СССР, греческую мультимиллиардершу Кристину Онассис? Смазливая. С южным темпераментом. Но жениться на ней или делать ее любовницей никто из членов Политбюро не мог: их возраст мраморный, возраст бронтозавров Гоби... Значит — Краузов (Крауз?), советский “еврей”, себе ее привез. А как везти — без мафии? Как везти — без Сиона?

Семью мою вышвырнули из квартиры — ее вселили. Меня объявили — захватчиком жилплощади. Ее — пострадавшей. Брежнев глотал таблетки — из-за ее горя. Польше, подражая вождю, глотал валидол — из-за ее горя. Зимянин, секретарь ЦК КПСС, ленинец непримиримый, уважая Брежнева, Польше, Кристину Онассис, чайной ложкой хлебал валерьянку на виду у сотрудников.

Мне и моей жене было приятнее всех — судили нас. А хуже всего пришлось Краузову,

или Краузу: ему не понравились наши обои на стенах “его” квартиры, высказал моей жене замечание... Акция с Онассис — тайна, сионистская афера. Я и тогда знал: мы — гои в руках Сиона. На память о тех постыдных сентябрьских днях дерзко набежало стихотворение на бумагу:

КРИСТИНЕ ОНАССИС

После расстрелов 1937 г. этот факт — самый черный факт.

Леонид Леонов

(со слов Е. В. Шевелевой), 1978 г.

Здравствуйте, Онассис, дама светская,
Как живется вам и можется в столице:
Что сулит и обещает власть советская
И спокойно ли
в моей квартире спится?

Из-за вас хотели по этапу
Провести меня на Север, дорогая.
У Сиона методы гестапо,
Хоть иное время и земля другая.

Знаю, тянет вас кататься по планете,
Море золота — конца и края нет.
Но в квартире той мои дышали дети,
Мать крестьянская ждала рассвет.

Холуи швыряли на пол книги
И шкафы, и разные там блюдца...
Да, крепки несправедливости вериги,
Но поэты просто не сдаются!

Госпожа Онассис, просьба свойская:
А бандитам, учиняющим погромы,
Платите вы,
как за дело
за геройское,
Или только кормите их на пороге дома?

Им теперь не до рабочих арий,
Разрумянились, неотразимы.
Где с гранатой в руке сражался пролетарий
Ныне ползают икрой беременные “ЗИЛы”...

Госпожа Онассис, я преследую

Цель священную, не буржуазно-узкую:
Не бандиты и не вы, а я наследую
Родину мою, Отчизну русскую!

Я служу ей грозным вдохновением.
Ни серпа ее, конечно, и ни молота
Невозможно зачеркнуть постановлением —
Наша совесть долларом не смолота.

Будет день, и грянет сила верная,
С ветра,
с ливня буря начинается.
И за все мое страдание безмерное
Время с каждым поименно рассчитается!..

А если бы какой-нибудь диссидент подвергся такому унижению, такому позору, посланному “сверху”? Вся диссидентская псарня лаяла бы по “забугорным” радио, а у нас, в СССР, толкались бы у посольств, у совминов, у ЦК группки, группы, общества, форумы, симпозиумы — с плакатами, лозунгами, призывами!

Евтушенко после очередной свадьбы, говорят, в эти дни вселялся в климоворошиловскую квартиру и обижался, тратясь на ремонт. Поэту помогали Брежнев, Пельше, Зимянин и “русское” зарубежье. А тут — русская семья в прицеле Сиона? Тяжело.

Да, акция с Кристиной Онассис — тайна, сионистская афера с деньгами ее, с капиталом ее, перекачка ценностей... Замысел мафии, а исполнение — русских хриstopродавцев. Могли бы Альберт Беляев или Владимир Севрук защитить меня? Могли. Но — желания не было у них — одно. И Брежнев им приказал разорвать меня — другое.

Из этой подлой репрессивной уголовщины я вынес для себя истину: коли ты честный, то ни ЦК, ни КПК, ни КГБ, ни МВД, ни прокурор, ни судья, никто тебя не сметет, а некоторые — и помогут. Мне помогли МВД, КГБ, армия. МВД — “прописали” в новую квартиру, КГБ — “пресекли” травлю, военные — напечатали мою запрещенную Зимяниным поэму о Г. К. Жукове, “Бессмертный маршал”, с купюрами, но опубликовали в 5 и 6 номерах “Пограничника” за 1979 год.

Можно подумать, что правитель Кувейта Ассабах, сослуживец Буша по ЦРУ или молочный брат его, а то и вовсе — ближайший родственник. Буш взвинтил обстановку, двадцать восемь стран-союзников сагитировал лупить по Саддаму Хусейну, по Ираку, а Саддаму, дескать, лишь этого и надо: пули посвистывают, самолеты грохаются, ракеты раскалываются — прелесть!..

Если уж правитель Кувейта Ассабах не дурак, в основном поставлял нефть США, имея не народ, не арабов, не кувейтцев у нефтяных вышек, а нанятых из разных стран, преимущественно проамериканских, то и Саддам Хусейн разбирался — куда течет нефть, куда бензин заливают, не мимо же автомобиля Буша.

Нефть горит. Бензин горит. Рвутся бомбы над Ираком, над Кувейтом, над Саудовской Аравией, над Израилем. А Буш и Ассабах перемигиваются, за свободу и “За новый мировой порядок” воюют. Буш твердо верит: без США, без него, цэрэушно-го Санта-Клауса, Деда Мороза, ни в Ираке, ни в Кувейте, ни в Прибалтике дисциплины не

будет в 1991 году. Никто пожар не “вдохновит”, никто дрофу соляркой не измажет, никто Ассабаха и Ландсбергиса не спасет.

Дрофа, дрофа, да еще — черная... В пустынях, запруженных черной нефтью, в зеленовато-голубых оазисах, усеянных черной копотью армий десятков стран в битве против малого Ирака, ну, подумайте, — как сохранит дрофа свой прежний цвет? Вместо влажного тумана — орудийный чад. Вместо серебряной пены — черная накипь буровых агрегатов. А вместо прозрачного поднебесья — черные взрывы, черные снаряды, черные бомбы. Черная дрофа — чушь? Да, чушь. Но я не сумел, я не смог стряхнуть ее с век...

А президент Буш? Красный коршун. Не герой эпоса. Навуходносором Буш казался мне перед смыканием им чужих армад в зоне Персидского залива. А теперь Буш — обыкновенный: мелкий, как озорной карманчик. Кровью испачканный. Красный, красный. И — сердце у президента цапает аритмия. У США — сердце пока работает твердо и гулко, как мотор у танка, заправленного кувейтской соляркой. А у президента — аритмия.

И Горбачев — осанкой сдал на огненных развалинах нацдрак и землетрясений. А черные дрофы и обманутые курды и в советских регионах имеются. Черные, траурные дрофы — вдовы. А завтрашние курды нынешние члены КПСС. СССР — приманка не менее обильная, чем Кувейт или Ирак.

СССР — кусок лакомый. А европейцы и американцы — не азиаты: соки, виски, шоколады, меды, разные персики — 88 процентов у них. Мясо, колбасы, балыки, пироги, ватрушки, калачики — 90 процентов у них. Медь, никель, серебро, титан, алмазы — 95 процентов у них. Керосин, бензин, прочее топливо и настоящий обогрев — 93 процента у них.

И все — награблено. Сунься — башку сшибут. Сунься — ось из земли выворотят. Буш захандрит — нового красного коршуна найдут. Брюханы. Им — сковорода скворчала бы и скворчала. А — кубинцам, вьетнамцам, ангольцам, эфиопам, нам какво?..

Ирак от США — раз плюнуть: тысячи километров! Саудовская Аравия — раз плюнуть: тысячи километров! Израиль — раз плюнуть, тысячи километров! А Прибалтика?.. Но США и Буш привычны к спорту: Вьетнам научил, Гренада научила, Куба научила, Панама научила. Буш заботливый руководитель: президента Панама сверг и у себя на даче держит, как в Кемп-Девиде, кто там побывал — пленник... А Буш — либерал. А эмир Кувейта Ассабах — вождь КПСС...

Буш всматривается в СССР, и США всматриваются, вместе они глядят, Россия им импонирует: хлеба мало, картошка заканчивается, мяса нет, молока нет, а речей по колению, и территория — не Кувейт, громадина, и нефть есть, золото попадает, еще не везде дограбили... Вот Буш и всматривается. Не лезет в наши дела, во внутренние дела СССР, а всматривается. Любит Буш “демократов и прорабов” перестройки. Любит Горбачева, любит Ельцина, любит Попова, Собчака, горячо, как Ассабаха.

Как-то опять я лег — устал, задремал и вижу... По России избы сияют, дома кирпичные строятся. Это — 67 588 000 воскресли, русских, замученных на Соловках, на Колыме, расстрелянных на Бутырке, на Лубянке, убитых в бесчестных войнах. На завалинках — деды, бабки: кулаки, диверсанты, предатели, родной народ, добрый, умный, работающий.

Широко волнуется пшеница. Комбайн плывет. А за штурвалом — Миша Горбачев, еще вихрастый и откровенный, около — Иосиф Кобзон, поют, заливаются:

Ох, ты, Волга, мать родная,
Волга русская река!

Народ родной. Поля родные, Михаил Сергеевич, родной, беженцев родных привечает: “Ехайте, ехайте, русские, в Россию, мы вас не бросим!..” И русские беженцы, как те, погубленные, но воскресшие, верят ему.

Балалайки звенят. Гармошки играют. Маргарита Тэтчер вуаль в пальцах перебирает перед зеркалом — к свадьбе в Лондоне принаряживается. А по Америке поджарый Буш бежит. В ЦРУ опоздать стесняется. Юный, подметливый. А в Пруссии Адольф Гитлер на бочке пива речь держит — нормальную. А Саддам Хусейн, под Сталина оmundиренный, внушает Ассабаху, правителю Кувейта: “Кувейт — провинция Ирака, а ты, Ассабах, империю из него лепишь!” Шамир язык Хусейну показывает.

И дрофа вылезает из Персидского залива. Черная. Нефтяная. Жуть. И, отряхиваясь, укоряет: “Да, все когда-то резвились на воле, чистые и веселые, но что вы теперь натворили со мною?..” Ассабах чалму на лоб натягивает. Хусейн кобуру щупает. Гитлер пиво дует. Тэтчер вуаль опускает. Буш двери ЦРУ закрывает. Горбачев газу комбайну прибавляет. Иосиф Кобзон поет.

А в Москве, в ЦДЛ, в Доме литераторов, русский композитор, из Суздаля, Абрам Ашкиназе, на Гитлера смахивающий, за столиком орет: “Я сионист! Я сионист!” “Скорая” к ЦДЛ подкатила. Санитар, мордатый, в белом, с толстой палкой, вошел. Абрам Ашкиназе нырнул в “скорую”, а вынырнул на “забугорном” радио — диктор. А за его столик разбойник Осташвили в ЦДЛ взгромоздился: “Я антисемит! Я антисемит!” А какой он антисемит? Задушили.

Подкрался к Осташвили народный депутат и крупный специалист по сельскому хозяйству Юрий Черниченко, раз — и упек антисемита на два года в режимные лагеря! Тихо, тихо кругом... Я проснулся. Сообщает журнал “Молодая гвардия” (1991, № 1): “19 июня 1990 г. в Кремле — вечерняя служба под руководством Артура-Шнейра, раввина из Нью-Йорка, в присутствии раввинов из других стран. Впервые за всю историю существования России...”

А “Советская Россия” 22 января 1991 года рассказала, что Эдгар Бронфман, Президент Всемирного еврейского конгресса, выступил в Нью-Йорке, возвратившись из Москвы: “За последние пять лет у нас с Шеварднадзе сложились замечательные отношения. Честный, достойный человек, он курировал еврейский вопрос в партии и правительстве...” И Бронфман рисует: “...я не хочу впадать в мелодраматизм, но должен вам сказать, у этого человека были слезы на глазах, когда мы расставались...” Шеварднадзе вышел — проводил Бронфмана. И Бронфман восклицает: “Я уверяю, в глазах у него стояли слезы...”

Выдающийся планетарный сионист, лечась о перестройке и наших “демократах и прорабах”, возмущается: где, мол, Яковлев? Где Шеварднадзе? Где Шаталин? Где Арбатов, еврей по отцу? Где зам Арбатова по КГБ, генерал, у которого мать еврейка? Бронфман лучше нас осведомлен, кто есть кто у нас.

Бронфман оплакивает Шеварднадзе, умалчивая о торговых “достижениях” Шеварднадзе — островах, принадлежащих СССР, но тайно “промотанных” министром иностранных дел Америке. Молчит Бронфман. Молчит Шеварднадзе. Горбачев молчит. Ельцин молчит. Лукьянов молчит. Яковлев из “Тормоза” подшипники выковыривает...

А я размышляю: не позорно ли нам искать антисемитов среди русского обманутого и

полуистребленного народа? Не. преступно ли? Может, Боровик антисемит — карает за измену Адамовича? Может, Володя Познер антисемит — тесно от евреев на телеэкране? Может, Арбатов антисемит — отец ворчун? Может, Брежнев был антисемит — жена ему надоела? Лев Троцкий — антисемит. Яков Свердлов — антисемит. Ягода — антисемит и т. д. и т.д. От общего числа представителей разных национальностей, живущих в ЕАО, евреи составляют 3,5 процента. И те — антисемиты: уезжают!..

Удивительной эластичностью награждены от природы не только экранные шуты и пародисты, но и вчерашние “пародийные публицисты”, катавшиеся за наш русский народный счет по Европе и по Азии, с уважительным слюнепусканием — заездом в обетованный Израиль. Шуты и пародисты, эти наемные пропагандисты, оптимисты-сионисты, разве когда прекратят лукавить и выметать хвостами из государственных свалок мусор?

Замарашкин

Слушай, Номах... Я знаю,
Быть может, ты дьявольски прав,
Но все же... Я тебе желаю
Хоть немного смирить свой нрав.
Подумай... Не завтра, так после...
Не после... Так после опять...
Слова ведь мои не кости,
Их можно легко прожевать,
Ты понимаешь, Номах?

Номах

Ты думаешь, меня это страшит?
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.
Я теперь вконец отказался от многого,
И в особенности от государства,
Как от мысли праздной...

.....
Да, только какой же в том смысл и прок,
Если многие громко сморкаются в руку,
А другие обязательно в носовой платок,

Великий Сергей Есенин понимал цену и тогда нынешним пародистам, шутам, публицистам и пропагандистам, хищно ползающим возле нежного горла России. Может, антисемиты те, кто бомбил Кувейт, бомбил Ирак? Бомбил, вызывая у людей отвратительное чувство — ненависть к ним, защитникам кровавых мафий? Может, КПСС — резиновое чучело? Может, Буш — антисемит? Может, с 1917 года над нами держат власть антисемиты?

Ведь Израиль — еврейское государство, ему надо ососедить себя с арабами. А Бушу зачем соседство? А нам зачем соседство? Антисемиты — воюющие за Израиль, бомбящие безвинных, цэрэушники!.. А нам, русским, зачем бомбить Израиль? От нас евреи и так едут. Едут — уехать не могут: много везде их. Со всеми с ними ругаться — жизнь положить!.. Подогревают антисемитизм “наверху”, родственники евреев подогревают: разлуки не переносят... А КПСС — затюканная генсеками и Политбюро. Шеварднадзе плакал, а мы КПСС браним. При чём тут КПСС? Следить надо не за тем, кто в какую страну сбегает, а за тем, чтобы не унижали человека, как человека, не унижали его народ. Не унижали ни заработком, ни квартирой, ни положением. Уходишь из КПСС — уходи. Уезжаешь из СССР — уезжай. Но не плюй на Россию, не плюй в горькие очи матери! И я уйду — от лидеров уйду.

А дрофу не трогай. Черную дрофу. Уничтоженная нефтью, огнем, она смелее тебя, некоммуниста: знает — кого клюнуть, кому в лоб дать... Замучили ее и нас, детей замучили. Не дети — черные дрофята, в Аравийской пустыне — бегут, в Персидском заливе — тонут, а в русских долинах — крестами оборачиваются, крестами.

Не трогай дрофу, черную дрофу!

1991